

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-1205-1223

Научная статья

АВТОНОМИЯ ВОЛИ В ГААГСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ПРАВЕ, ПРИМЕНИМОМ К АГЕНТСКИМ СОГЛАШЕНИЯМ

Т.В. Новикова

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Краснодар, Российская Федерация

Актуальность исследования обуславливается развитием трансграничных частноправовых отношений, включая агентские, реализацией их сторонами автономии воли и потенциалом практического применения Гаагской конвенции о праве, применимом к агентским соглашениям (Гаагской конвенции 1978 г.). *Цель* — проанализировать стандарты автономии воли, установленные Гаагской конвенцией 1978 г., оценить место норм анализируемой конвенции в системе международных норм об автономии воли и сделать выводы о потенциале их практического применения. Основные специально-юридические *методы* — историко-правовой и сравнительно-правовой. В связи с незначительной научной разработанностью темы основными *материалами* выступили нормы международных договоров, в том числе различные языковые версии и переводы, и обширные подготовительные материалы, позволяющие уяснить содержание анализируемых норм. Главные *результаты* включают следующие выводы. Во-первых, вопреки распространенной в отечественной юриспруденции точке зрения Гаагская конвенция 1978 г. признает автономию воли для двух правоотношений и устанавливает либеральный стандарт для правоотношений агента и принципала и строгий — для вопроса о полномочиях агента в правоотношениях принципала и третьего лица. Во-вторых, Гаагская конвенция 1978 г. имеет потенциал практического применения как часть *lex fori* государств-участников в суде и как свод признанных на международном уровне норм в международном коммерческом арбитраже. В *заключение* подчеркивается, что отечественным участникам международного гражданского оборота важно иметь правильное представление о нормах Гаагской конвенции 1978 г. при выборе места рассмотрения споров из заключаемых ими агентских соглашений международного характера.

Ключевые слова: автономия воли, выбор применимого права, соглашение о применимом праве, оговорка о применимом праве, агентское соглашение, полномочия агента, коллизийное право

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 29 июля 2020 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2020 г.

© Новикова Т.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Для цитирования:

Новикова Т.В. Автономия воли в Гагской Конвенции о праве, применимом к агентским соглашениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 4. С. 1205–1223. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-1205-1223.

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-1205-1223

Research Article

PARTY AUTONOMY IN THE HAGUE CONVENTION ON THE LAW APPLICABLE TO AGENCY

Tatiana V. Novikova

The North Caucasian branch of the Russian State University of Justice,
Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The research is relevant due to development of transboundary private legal relations, including agency, recourse to party autonomy and the Hague Convention on the Law Applicable to Agency (the Hague Convention of 1978) potential of practical application. The goal is to analyze the party autonomy standards stipulated by the Hague Convention of 1978, to assess the place of the indicated norms within the system of international norms regarding party autonomy and to make conclusions on potential of its practical application. The main specific legal methods are historical and comparative. Due to insufficient scientific elaboration on the matter the main materials were the international treaty norms, including different language versions and translations, and profound *travaux préparatoires* enabling to clear up the contents of the norms. The main results include the following conclusions. Firstly, in spite of standpoint widespread in Russian jurisprudence the Hague Convention of 1978 acknowledges party autonomy for two legal relations and stipulates liberal standard for agent and principal relations and strict — for the agent’s authority in principal and third party relations. Secondly, the Hague Convention of 1978 has the potential of practical application as a part of *lex fori* of its states parties by court and as a collection of internationally accepted norms by international commercial arbitration. In conclusion the author stresses that it is important for Russian participants of international civil intercourse to have the right perception of the Hague Convention of 1978 norms when choosing a forum for disputes arising out of their international agency agreements.

Key words: autonomy of will, choice of applicable law, choice of law agreement, choice of law clause, agency agreement, agent’s authority, conflict of laws

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

Article received 29 July 2020

Article accepted 15 October 2020

For citation:

Novikova, T.V. (2020) Party autonomy in the Hague convention on the law applicable to agency. *RUDN Journal of Law*. 24 (4), 1205–1223. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-1205-1223.

Введение

Истоки Гаагской конвенции о праве, применимом к агентским соглашениям, можно усмотреть в предложении разработать унифицированное коллизионное регулирование агентирования в области международной купли-продажи товаров, которое прозвучало еще на Восьмой Гаагской конференции по международному частному праву в 1956 г. Из-за отсутствия интереса у государств-участников проект был отложен на неопределенный период, но на Двенадцатой Гаагской конференции в 1972 г. в рамках направления по унификации коллизионного регулирования договорных правоотношений вопрос об агентских соглашениях и представительстве в целом был включен в повестку дня будущей конференции¹.

Как следствие, в 1977 г. специальная комиссия по поручению Тринадцатой Гаагской конференции утвердила текст Гаагской конвенции о праве, применимом к агентским соглашениям². В литературе подчеркивается, что эта конвенция представляет особый интерес в связи с тем, что в условиях ярких различий национальных законодательств она составляет прекрасный пример согласования интересов, лежащих в основе правового регулирования этой сложной сферы (Hay, Müller-Freienfels, 1979:1–2). Конвенция вступила в силу в 1992 г. и в настоящее время действует для четырех государств³.

В юридической литературе общепризнанно, что Гаагская конвенция о праве, применимом к агентским соглашениям, устанавливает автономию воли. В подавляющем большинстве случаев ученые ограничиваются указанием на данную конвенцию в числе других международных инструментов (Zanibekov, 2016:143; Strigunova, 2014:153; Strigunova, 2016). Вместе с тем ее положения заслуживают предметного анализа по двум причинам. Во-первых, в вопросе закрепления автономии воли конвенция является промежуточным звеном между Гаагскими конвенциями 1955 г.⁴ и 1986 г.⁵, унифицирующими коллизионные

¹ П. 1 Пояснительного отчета (Karsten, I.G.F. (1979) *Convention on the Law applicable to Agency*, Draft Convention adopted by the Thirteenth Session and Explanatory Report (edited by the Permanent Bureau of the Conference). The Hague, Hague Conference on Private International Law, p. 8) (далее — Explanatory Report).

² Специальная комиссия провела свое первое заседание в мае и второе — в ноябре 1975 г. Тринадцатая Гаагская конференция, заседавшая в октябре 1976 г., проделала существенную работу по разработке текста конвенции и поручила ее завершение специальной комиссии, которая сформировала и утвердила текст конвенции в июне 1977 г. (п.п. 2–3 Пояснительного отчета) (Explanatory Report, pp. 8–9). Дата конвенции (14 марта 1978 г.) обусловлена датой, в которую конвенцию прописало первое государство — Франция (Convention of 14 March 1978 on the Law applicable to Agency: Status Table [online], available at: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=89> (Accessed 28 July 2020) (далее — Status Table).

³ На основании ст. 26 конвенции она вступила в силу после принятия ее тремя государствами. С 1 мая 1992 г. она действует для Аргентины, Португалии, Франции и с 1 октября 1992 г. — для Нидерландов. Российская Федерация в конвенции не участвует (Status Table).

⁴ Конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, от 15 июня 1955 г. (г. Гаага) // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Том 1. Нью-Йорк: ООН, 1971.

нормы о договоре международной купле-продажи товаров, и в этом плане является показательным материалом для осмысления развития принципа автономии воли в международном частном праве. Во-вторых, что существенно более важно, предмет конвенции составляют сложные правоотношения, распадающиеся на две группы (отношения между агентом и принципалом; отношения с третьими лицами), в рамках каждой из которых автономия воли получает свое специальное закрепление, требующее надлежащего осмысления.

Практическая значимость исследования автономии воли в Гаагской конвенции о праве, применимом к агентским соглашениям, определяется двумя обстоятельствами: во-первых, стремительным развитием трансграничных частноправовых отношений, включая агентские, и все более частым использованием сторонами таких отношений возможности избрать применимое право и, во-вторых, потенциалом практического применения анализируемой конвенции как *lex fori* государств-участников в суде или как признанных на международном уровне норм в международном коммерческом арбитраже, что в свою очередь требует решения вопроса о соотношении данных норм с иными нормами об автономии воли.

Правовой режим автономии воли в отношениях между агентом и принципалом

В первую очередь, в литературе получает освещение автономия воли в отношениях между агентом и принципалом. Так, ст. 5 конвенции устанавливает, что «агентские отношения между принципалом и агентом регулируются избранным ими внутренним правом»⁶. Комментируя указанное положение, обратим внимание на ряд аспектов. Во-первых, Гаагская конвенция 1978 г., как и Гаагская конвенция 1955 г., позволяет сторонам избрать только «внутреннее право»⁷, в то время как уже Гаагская конвенция 1986 г. указывает на «право, выбираемое сторонами» (ст. 7), и тем самым оставляет открытым вопрос о допустимости выбора вненациональных источников⁸.

⁵ Конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, от 22 декабря 1986 г. (г. Гаага) // Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. С. 209–220.

⁶ В этом отношении заслуживает внимания следующий вывод Пояснительного отчета к конвенции: «Данное положение отражает единогласное мнение Комиссии о том, что в соответствии с общепризнанными принципами международного частного права автономии воли сторон должен быть отдан приоритет при определении права, применимого к агентским отношениям между принципалом и агентом» (курсив наш — Т.Н.) (п. 45 Пояснительного отчета — Explanatory Report, pp. 19–20).

⁷ Ст. 2 Гаагской конвенции 1955 г. содержит еще более жесткую формулировку, допуская выбор «внутреннего права страны».

⁸ Вопрос о выборе вненациональных источников (в привязке к термину «право», используемому ст. 15 Гаагской конвенции 1986 г.) вызвал острую дискуссию среди делегатов, в результате чего докладчик заключил: «Вопрос о нормах права, которые не являются частью национального права, является тем, на который Конвенция не дает ответа» (п. 153 Пояснительного отчета — Mehren, A.T. von (1987) Convention on the Law applicable to Contracts for the International Sale of Goods, Explanatory Report (edited by the Permanent Bureau of the Conference). The Hague, Hague Conference on Private International Law, p. 49).

Во-вторых, Гагская конвенция 1978 г. в силу предписания ст. 4 в совокупности с положением ст. 5 санкционирует выбор сторонами права «третьей» страны, в том числе не участвующей в конвенции⁹. Н.Г. Вилкова указывает, что анализируемая конвенция — «первый международно-правовой документ», закрепляющий выбор национальными лицами государств-участников международного договора права государства, не участвующего в нем (Vilkova, 2000:102)¹⁰. При этом, как подчеркивает автор, такой подход был впоследствии воспринят Гагской конвенцией 1986 г., а также другими международными и национальными источниками (Vilkova, 2000:102).

По этой причине мы не согласимся с С.В. Николюкиным, который пишет, что на основании анализируемой конвенции стороны агентского соглашения могут избрать «применимое к их отношениям право, т.е. *право принципала или право агента*» (курсив наш — Т.Н.) (Nikolyukin, 2008:33–37). Как указано в Пояснительном отчете к конвенции, «Комиссия полагала, что стороны должны быть полностью свободны в выборе любого права, которое они пожелают, вне зависимости от степени связанности права и их отношения и безотносительно к мотивам сторон, побудившим их сделать выбор»¹¹. Следовательно, оценивая в совокупности положения ст. ст. 4 и 5 Гагской конвенции 1978 г. в свете заключений Пояснительного отчета к ней, можно сделать вывод о том, что анализируемая конвенция впервые на уровне международного договора прямо закрепила полную свободу сторон в выборе права любой «третьей» страны (ни в коем случае не ограничиваясь правом сторон соответствующего отношения).

В ст. 5 конвенции также определена форма выражения выбора, осуществляемого агентом и принципалом, а именно: он «должен быть выражен прямо либо в такой форме, которая позволяет с достаточной определенностью установить применимое право исходя из условий договора между сторонами и обстоятельств дела». Н.Г. Вилкова справедливо указывает, что данное прави-

При этом нельзя не отметить, что и в Пояснительном отчете к Гагской конвенции 1978 г. по вопросу о термине «*внутреннее право*» дается краткий комментарий, согласно которому, как это принято в конвенциях Гагской конференции по международному частному праву, данное положение нацелено на исключение всех правил международного частного права (коллизионных норм) соответствующего государства (то есть на запрет обратной отсылки) (п. 155 Пояснительного отчета — Explanatory Report, p. 46).

⁹ Ст. 4 Гагской конвенции 1978 г. устанавливает: «Право, определенное в соответствии с настоящей Конвенцией, применяется вне зависимости от того, является ли оно правом одной из Сторон».

¹⁰ В литературе также высказана точка зрения, согласно которой Гагская конвенция 1955 г. — даже в отсутствие специального предписания по этому вопросу — не препятствует выбору права «третьего» государства (Malkin, 2008:60).

¹¹ В Пояснительном отчете к конвенции также указано: Комиссия «придерживалась мнения, что обычно у сторон имеются веские причины выбрать определенное право для регулирования их отношений; что выбор редко делается в силу причуды; и что нежелательные злоупотребления свободой выбора сторон всегда могут быть исключены применением статей 16 и 17, относящихся, соответственно, к императивным нормам и публичному порядку» (п. 45 Пояснительного отчета — Explanatory Report, p. 20).

ло является «как бы промежуточным» между соответствующими нормами Гаагских конвенций 1955 г. и 1986 г. (Vilkova, 2000:102). Первая позволяет вывести выбор сторон только «из положений договора» (ст. 2), а вторая — «из условий договора и поведения сторон, рассматриваемых в их совокупности» (ст. 7)¹². Как отмечается в Пояснительном отчете к конвенции, «по мнению большинства делегатов, было бы неестественно и в некоторых случаях несправедливо по отношению к сторонам запретить суду выводить намерение сторон из обстоятельств»¹³, но при этом нужно «гарантировать, что суд придаст значение только реальному выбору в отличие от подразумеваемого выбора, приписываемого сторонам судом»¹⁴.

Примечательно, что в англоязычных версиях документов предварительный проект конвенции указывал на выведение выбора сторон «из положений договора» («from the provisions of the contract»)¹⁵, однако указанная терминология показалась разработчикам слишком ограничительной и уже в итоговом проекте, а также в действующей конвенции говорится об «условиях соглашения» («the terms of the agreement»)¹⁶. В литературе отмечается, что данная корректировка была направлена на то, чтобы охватить случаи «безвозмездного агентирования» и дела, в которых стороны не оформили свое соглашение (Hay, Müller-Freienfels, 1979:40). Вместе с тем франкоязычная версия действующей конвенции, имеющая одинаковую силу с ее текстом на английском языке, оперирует словосочетанием «условия договора» («dispositions du contrat»)¹⁷, что,

¹² Пояснительный отчет к Гаагской конвенции 1978 г. также характеризует ее положение о форме выражения выбора сторон как значительное отступление от соответствующей нормы Гаагской конвенции 1955 г. (п. 46 Пояснительного отчета — Explanatory Report, 20).

¹³ П. 47 Пояснительного отчета (Explanatory Report, 20). В Пояснительном отчете к конвенции — в рамках комментария к ст. 5 — приводится следующий показательный пример: «А, который часто выступал в качестве агента для Б, каждый раз заключал с Б письменный договор, содержащий идентичные положения и устанавливающий одинаковую оговорку о применимом праве, в одном случае не составляет договор в письменной форме». По мнению разработчиков конвенции, «в такой ситуации предшествующие отношения сторон, очевидно, влияют на решение вопроса о том, намеревались ли они в этом случае подчинить свои отношения тому же праву, на какое они опирались в прошлом» (п. 156 Пояснительного отчета — Explanatory Report, 46–47).

¹⁴ Далее в Пояснительном отчете к конвенции указано: «Суд уполномочен сделать вывод о выборе права сторонами только тогда, когда такой вывод может быть сделан с разумной уверенностью на основании положений соглашения и обстоятельств дела» (п. 47 Пояснительного отчета — Explanatory Report, 20).

¹⁵ Положение предварительного проекта конвенции на английском языке звучит следующим образом: «choice ... must arise by necessary implication from *the provisions of the contract* and the surrounding circumstances» (курсив наш — Т.Н.) (Hay, Müller-Freienfels, 1979:39–40).

¹⁶ Положение действующей конвенции на английском языке звучит следующим образом: «choice ... may be inferred with reasonable certainty from *the terms of the agreement* between the parties and the circumstances of the case» (курсив наш — Т.Н.) (Convention on the Law applicable to Agency of 14 March 1978, available at: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=89> (Accessed 28 July 2020)).

¹⁷ Положение действующей конвенции на французском языке звучит следующим образом: «Le choix ... doit ... résulter avec une certitude raisonnable des *dispositions du contrat* et des circonstances de la cause» (курсив наш — Т.Н.) (Convention sur la loi applicable aux contrats d'intermédiaires et à la représentation du 14 mars 1978, available at: <https://www.hcch.net/fr/instruments/conventions/full-text/?cid=89> (Accessed 28 July 2020)).

судя по всему, оставляет за рамками анализируемого положения те случаи, в которых с формальной точки зрения договор не был заключен. Наконец, неофициальные переводы конвенции на русский язык также используют термин «договор»: перевод Н.Г. Вилковой говорит о том, что выбор должен «следовать из положений договора»¹⁸, перевод Е.Ю. Проничевой — о том, что выбор должен быть в «форме, которая позволяет ... установить ... право исходя из условий договора»¹⁹. Таким образом, можно заключить, что отраженное в подготовительных материалах намерение разработчиков конвенции расширить сферу действия положения о форме выбора права получило отражение исключительно в ее англоязычной версии. Следовательно, практика применения указанной нормы, исходящая из обычного значения используемых в ней терминов, может быть неустойчивой и, вполне вероятно, не отражающей намерение ее разработчиков²⁰.

В завершение анализа ст. 5 конвенции отметим, что по мере развития принципа автономии воли в международном частном праве получали разработку и его институты, направленные в целом на защиту публичных интересов²¹. Данная тенденция ярко проявилась в работах исследователей Гаагской конвенции 1978 г. В частности, Н.Г. Вилкова подчеркивает, что «формальная свобода выбора права ограничивается правилом» о применении императивных норм государства, с которым имеется существенная связь, впервые появившимся в ст. 16 конвенции (Vilkova, 2000:102). Е.В. Попова также обращает внимание на то, что «автономия воли сторон не является безграничной», дополняя перечень механизмов, позволяющих «избежать злоупотреблений ... при выборе права», институтом публичного порядка (ст. 17 конвенции)²².

¹⁸ Конвенция о праве, применимом к агентским соглашениям от 14 марта 1978 г. (г. Гаага), неофициальный перевод Н.Г. Вилковой (текст конвенции официально опубликован не был), available at: <http://oprave.ru/?p=35699> (Accessed 28 July 2020).

¹⁹ Конвенция о праве, применимом к агентским соглашениям от 14 марта 1978 г. (г. Гаага), неофициальный перевод Е.Ю. Проничевой (текст конвенции официально опубликован не был) // СПС «Гарант».

²⁰ Общее правило толкования международных договоров, отраженное в ст. 31 Конвенции о праве международных договоров, гласит: «Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора» (Конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (г. Вена) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772). Необходимо подчеркнуть, что ст. 32 указанной конвенции в исключительных случаях допускает обращение к дополнительным средствам толкования, включая подготовленные материалы и обстоятельства заключения международного договора. Однако, данный усложненный механизм, очевидно, не упрощает правоприменительный процесс и в условиях разночтения языковых версий международного договора не может гарантировать единые правовые результаты на территории всех его государств-участников.

²¹ В литературе подчеркивается, что поскольку гл. II конвенции не применяется, если «соглашение о создании агентских отношений содержится в трудовом договоре» (ст. 10), разработчики посчитали ненужным вводить специальные ограничения автономии воли в целях защиты слабой стороны и на этом основании отклонили соответствующее предложение Швейцарии (Hay, Müller-Freienfels, 1979:39).

²² Попова Е.В. Право, применимое к агентированию (сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 30.

В этой связи следует обратить внимание на выявленную А.Б. Покровской закономерность, по которой «с расширением сферы регулирования правоотношений, осложненных иностранным элементом, посредством согласованного сторонами права, в практику вводятся и новые ограничительные институты»²³. Полагаем, аналогичным образом можно сделать и вывод о том, что формирование согласованной системы пределов свободы сторон частноправовых отношений международного характера избрать применимое к ним отношениям право является косвенным доказательством формирования такой свободы в качестве принципа международного частного права (и в этом отношении Гагская конвенция 1978 г. составляет прекрасное подтверждение).

Наконец, стоит указать, что Гагская конвенция 1978 г. в силу весьма ограниченного предмета регулирования намеренно уклоняется от решения вопросов реализации автономии воли, которые, по мнению разработчиков, являются общими вопросам международного частного права. В частности, Пояснительный отчет к конвенции относит к вопросам такого характера выбор права, регламентирующего действительность соглашения сторон о праве, применимом к агентскому соглашению²⁴. Вероятно, что по этим же соображениям Гагская конвенция 1978 г. не содержит положений о допустимости последующего выбора права, депесяжа и других возможностей при выборе права сторонами агентского соглашения. При этом в свете формирования системы ограничительных институтов международного частного права среди ученых получает распространение подход, в соответствии с которым в пределах прямо установленных ограничений (нормы непосредственного применения, публичный порядок и др.) свобода сторон частноправовых отношений международного характера избрать применимое право считается неограниченной, то есть отсутствие запрета рассматривается как дозволение. В частности, с использованием именно такой логики Е.В. Попова делает выводы о допустимости частичного, «плавающего» и последующего выбора права в Гагской конвенции 1978 г.²⁵

²³ Далее А.Б. Покровская уточняет, что «с распространением действия коллизионного критерия *lex voluntatis* на большинство частноправовых договорных отношений ... получили признание и правовое оформление на основе норм международного договора положения доктрины о “сверхимперативных нормах” и “необходимости защиты слабой стороны”» (Покровская А.Б. Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 160-161).

²⁴ В Пояснительном отчете к конвенции указано, что в этом отношении подход Гагской конвенции 1978 г. более осторожный, чем у Гагской конвенции 1955 г., которая подчиняет соглашение о выборе права тому праву, которое стороны сами выбрали (ст. 2). Как предполагают разработчики, в отсутствие специальных положений в конвенции суд, рассматривающий дело, решит этот вопрос на основании собственных правил международного частного права (п.п. 153–154 Пояснительного отчета — Explanatory Report, p. 46).

²⁵ Попова Е.В. Право, применимое к агентированию (сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 34–36.

Правовой режим автономии воли в отношениях принципала с третьими лицами

Особо подчеркнем, что в подавляющем большинстве случаев отечественные ученые связывают автономию воли в Гаагской конвенции 1978 г. исключительно с ее ст. 5. В частности, одни авторы, указывая на закрепление автономии воли в данной конвенции, ссылаются исключительно на ст. 5 (Strigunova, 2016:12, 44; Strigunova, 2017), а другие (в рамках общей характеристики конвенции) отмечают ст. 5, но при этом вообще не упоминают ст. 14 (Kanashevskiy, 2014:100–101; Makovskiy, Khlestova (eds.), 2012). Более того, Н.Г. Вилкова прямо заявляет: «В том, что касается отношений между представляемым (принципалом) и третьим лицом, ... стороны лишены права выбора применимого права» (Vilkova, 2000:103)²⁶.

Вместе с тем второй блок отношений, охватываемых Гаагской конвенцией 1978 г., составляют отношения принципала с третьими лицами (гл. III). Регламентация этих отношений начинается со ст. 11, которая устанавливает для них коллизионные привязки, однако ст. 14 прямо предписывает: «Невзирая на положения статьи 11, если письменное указание принципала или третьего лица на право, подлежащее применению..., было прямо принято другой стороной, к указанным вопросам должно применяться обозначенное таким образом право»²⁷. Исходя из изложенного, мы не можем согласиться с учеными, связывающими автономию воли в Гаагской конвенции 1978 г. только с ее ст. 5 и даже прямо отрицающими возможность выбора права в отношениях принципала с третьими лицами.

Нетрудно заметить, что в части закрепления автономии воли юридическая техника второй и третьей глав Гаагской конвенции 1978 г. существенно отличаются: во второй главе (об отношениях между агентом и принципалом) автономия воли закреплена в статье, открывающей главу (ст. 5), а в третьей главе (об отношениях принципала с третьими лицами) об автономии воли говорится в предпоследней для главы статье (ст. 14)²⁸. Указанное различие может свидетельствовать о том, что на момент разработки конвенции автономия воли в «классических» договорных отношениях прочно утвердилась в сознании спе-

²⁶ Далее автор уточняет, что «в конвенции приводятся лишь соответствующие коллизионные нормы» (Vilkova, 2000:103).

²⁷ В Пояснительном отчете к конвенции отмечается, что «Комиссия не нашла причин, почему автономия воли не должна распространяться на область регулирования Главы III, также как и на область Главы II, при наличии надлежащих защитных ограничений» (п. 66 Пояснительного отчета — Explanatory Report, p. 26).

²⁸ Поразительный факт составляет то, что в Пояснительном отчете к конвенции в отличие от самой конвенции структура изложения является идентичной и для раздела об отношениях между принципалом и агентом, и для раздела об отношениях принципала с третьими лицами: в первую очередь, субъективная привязка (то есть право, избранное сторонами); во вторую, объективные привязки (Explanatory Report, p. 19–23, 26–31).

циалистов, в то время как для более «сложных» отношений, существующих между принципалом и третьим лицом, но касающихся наличия и объема полномочий агента, а также результатов осуществления им полномочий либо намерений их осуществить, выбор применимого права рассматривался скорее как исключение, нежели как правило. Последнее, в свою очередь, может быть связано также с тем, что в середине второй половины XX в. автономия воли как принцип международного частного права еще развивалась, на практике была связана преимущественно с международной куплей-продажей и лишь в отдельных случаях получала признание в иных частноправовых отношениях международного характера²⁹.

Тем не менее, мы исходим из того, что номер статьи или ее расположение не влияют на юридическую силу закрепленной в ней нормы. В одном из первых обзоров анализируемой конвенции в зарубежной литературе указывается: «Ст. 14 позволяет принципалу и третьему лицу сделать прямой выбор права для регулирования тех аспектов их отношения, которые иначе регулировались бы правом государства, указанным в ст. 11» (Pfeifer, 1978:436)³⁰. Пояснительный отчет к конвенции также гласит: «Положение об автономии воли в Главе III Конвенции позволяет принципалу и третьему лицу заранее урегулировать их отношение в целом, минимизируя таким образом риск последующей тяжбы»³¹. При этом, как и в Главе II, автономия воли принципала и третьего лица допускает выбор любого (в том числе «третьего») права³². Таким образом, следует заключить, что Гагская конвенция 1978 г. однозначно признает автономию воли не только в отношениях между принципалом и агентом, но и в отношениях принципала с третьими лицами.

Вместе с тем специфика отношения принципала и третьего лица, касающегося полномочий агента и результатов их осуществления, не могла не сказаться на специфике реализации в его рамках автономии воли сторон. Необходимо обратить внимание на несколько аспектов. Во-первых, тот факт, что выбор применимого права осуществляется не для отношения в целом, а лишь для специального вопроса, в достаточной мере отделенного от остального отноше-

²⁹ См., например: Конвенция о праве, применимом к режимам собственности супругов, от 14 марта 1978 г. (г. Гаага) // *Международное частное право. Сборник документов.* М.: БЕК, 1997. С. 694–699.

³⁰ Автономия воли в отношениях принципала и третьего лица признается и другими зарубежными авторами. Например, Ю. Базедов, утверждая применительно к ст. 14, что Гагская конвенция 1978 г. «не ставит во главу угла применение принципа автономии воли» и не оперирует обычной терминологией, касающейся выбора сторонами применимого права, тем не менее, признает, что «по содержанию Конвенция имеет дело с автономией воли» (Basedow, 2019:16).

³¹ В порядке иллюстрации Пояснительный отчет к конвенции указывает, что ст. 14 позволяет принципалу и третьему лицу согласовать применение права, регулирующего отношение принципала и агента, создавая таким образом единый режим для обоих отношений; или права, регулирующего основной контракт между ними, создавая таким образом единый режим для всех вопросов, возникающих в связи с контрактом (п. 67 Пояснительного отчета — Explanatory Report, p. 26).

³² П.п. 67, 222 Пояснительного отчета — Explanatory Report, pp. 26, 59.

ния, обусловил признание в этом случае (в отличие от отношений принципала и агента) только прямо выраженного выбора³³.

Во-вторых, несмотря на то, что отношение касается полномочий агента, оно складывается между принципалом и третьим лицом и, следовательно, волеизъявление касательно применимого права может исходить только от этих двух субъектов. При этом агент как посредник, неминуемо вовлеченный во взаимодействие принципала и третьего лица, может содействовать трансляции волеизъявления от одного субъекта к другому. В этом плане показательно, что в качестве типичного случая, подпадающего под действие ст. 14, Пояснительный отчет к конвенции указывает на представление агентом третьему лицу доверенности или иного документа о полномочиях: «Если в таком документе указано право, применимое к полномочиям агента по отношению к третьему лицу, и если принципал согласится на применение этого права, то будут иметься сильные аргументы в пользу его применения»³⁴.

В данном случае нельзя не обратить внимание и на то, что избранное принципалом и третьим лицом право будет в конечном итоге определять полномочия агента, то есть третьего лица, и этим потенциально может ущемить его интересы (например, при решении вопроса о последствиях превышения агентом своих полномочий³⁵). На этом основании следует поддержать уточнение Ю. Базедова, в соответствии с которым «выбор принципалом и третьей стороной приемлем только в том случае, если это не порождает негативных последствий для агента без его/ее согласия» (Basedow, 2019:18).

В-третьих, стремясь к определенности³⁶, Гаагская конвенция 1978 г. предъявляет экстраординарные требования к форме соглашения о выборе применимого права между принципалом и третьим лицом: оно должно исходить в письменной форме, с одной стороны, и быть прямо принято, с другой. В отношении требования письменной формы Ю. Базедов справедливо указывает, что хотя его «трудно обосновать», оно не будет «серьезным препятствием, если современные формы связи включены в качестве конститутивного документа» (Basedow, 2019:17). Более сложным будет установление прямого принятия, осо-

³³ Пояснительный отчет к конвенции уточняет, что международное частное право большинства государств содержит вполне установившиеся правила определения судом подразумеваемого выбора права для отношения в целом, но для отдельного вопроса такие правила отсутствуют. На этом основании разработчики конвенции делают вывод о том, что допущение подразумеваемого выбора в отношении принципала и третьего лица не породило бы ничего, кроме путаницы и неопределенности (п. 68 Пояснительного отчета — Explanatory Report, p. 26).

³⁴ П. 66 Пояснительного отчета — Explanatory Report, p. 26. Ю. Базедов идет в этом отношении еще дальше и предполагает, что «ничто не препятствует принципалу наделять агента полномочиями выбирать право, применимое к сфере его компетенции, в процессе переговоров между ним и третьей стороной» (Basedow, 2019:17).

³⁵ Ю. Базедов указывает, что в данном случае будет «налицо очевидное нарушение фундаментального принципа *res inter alios acta alteri non nocet*» (Basedow, 2019:18).

³⁶ П. 69 Пояснительного отчета — Explanatory Report, pp. 26–27.

бенно в свете того, что, как указывает Пояснительный отчет к конвенции, подписание стандартной формы договора, содержащей оговорку о выборе права, применимого к полномочиям агента, не является достаточным для констатации прямого принятия такого выбора³⁷. При этом нужно учитывать, что разработчики конвенции в целом занимали крайне строгую позицию по отношению к стандарту принятия предложенного права. В Пояснительном отчете к конвенции указано, что оно могло бы требоваться и в письменной форме, хотя в таком случае статья в значительной степени лишилась бы практической ценности³⁸.

Нормы Гагской конвенции о праве, применимом к агентским соглашениям, в системе международных норм об автономии воли

Историко-правовой анализ показал, что положения Гагской конвенции 1978 г. составляют одну из ступеней в прогрессивном развитии принципа автономии воли в международном частном праве. В частности, стандарт автономии воли в отношениях между агентом и принципалом общепризнанно квалифицируется как промежуточный между положениями Гагских конвенций в сфере международной купли-продажи товаров 1955 и 1986 гг. (Vilkova, 2000:102).

Вместе с тем юридическая судьба Гагской конвенции 1978 г. подтверждает, что готовность делегатов государств, участвующих в разработке международного договора, внести в его текст прогрессивные правовые стандарты вовсе не гарантирует их последующей имплементации в национальных законодательствах. В настоящее время Гагская конвенция 1978 г. насчитывает лишь четыре государства-участника³⁹ и, что особенно значимо, составляет не единственный пример подобного рода. Так, Гагская конвенция 1955 г., закрепляющая строгий стандарт автономии воли (внутреннее право страны; выбор, основанный только на условиях договора), насчитывает восемь государств-участников⁴⁰, а Гагская конвенция 1986 г., закрепляющая существенно более либеральный стандарт автономии воли (последующий выбор права; вытекаю-

³⁷ Пояснительный отчет к конвенции конкретизирует, что в таком случае судья должен будет определить, что еще в дополнение к присоединению к договору потребуются, чтобы установить прямое принятие (курсив наш — Т.Н.) (п. 244 Пояснительного отчета — Explanatory Report, p. 59).

³⁸ П. 69 Пояснительного отчета — Explanatory Report, p. 27.

³⁹ Аргентина, Нидерланды, Португалия и Франция (Status Table).

⁴⁰ Государствами-участниками конвенции являются Дания, Италия, Нигер, Норвегия, Финляндия, Франция, Швейцария и Швеция. Государствами-подписантами, для которых конвенция на данный момент не вступила в силу, являются Испания, Люксембург и Нидерланды. Кроме того, Бельгия ратифицировала конвенцию 29 октября 1962 г., но денонсировала 19 февраля 1999 г. Российская Федерация не является участником конвенции (Convention of 15 June 1955 on the Law applicable to International Sales of Goods: Status Table, available at: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=31> (Accessed 28 July 2020)).

щий из условий договора и поведения сторон в совокупности), вообще не вступила в силу⁴¹.

Представляется, что именно неуспешная юридическая судьба конвенций, которые, в том числе, устанавливают стандарт автономии воли в договорных правоотношениях различного рода (в сфере агентских соглашений и договоров международной купли-продажи товаров) и которые из-за незначительного числа участников или вообще невступления в силу нельзя считать достигнутыми цели унификации — создания единообразного поля коллизионного регулирования на значительной территории, подтолкнула Гаагскую конференцию по международному частному праву к разработке первого в ее истории юридически необязательного документа — Принципов, касающихся выбора права в международных коммерческих договорах, 2015 г.⁴²

Вместе с тем в современный период практическая значимость исследования стандарта автономии воли в Гаагской конвенции 1978 г. обуславливается тем фактом, что данная конвенция является действующим международным договором, хотя и с весьма ограниченным кругом участников. Будучи частью *lex fori* государств-участников, нормы анализируемой конвенции подлежат применению судами этих государств при рассмотрении споров, вытекающих из агентских соглашений международного характера. Таким образом, отечественным участникам международного гражданского оборота крайне важно иметь правильное представление о содержании таких норм при выборе места рассмотрения споров, вытекающих из заключаемых ими агентских соглашений с иностранным элементом.

Более того, особенно важно учитывать, что при рассмотрении споров из трансграничных агентских соглашений международным коммерческим арбитражем последний не будет юридически связан коллизионными нормами государства его локализации. По общему правилу международный коммерческий арбитраж признает автономию воли сторон спорного правоотношения на основании положений «собственных» актов. Например, для МКАС при ТПП РФ таким основанием выступит п. 1 ст. 28 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже»⁴³, который воспроизводит п. 1 ст. 28 Типового закона ЮНСИТРАЛ

⁴¹ Согласно ст. 27 конвенции она вступает в силу при условии принятия пятью государствами. К настоящему моменту Аргентина ратифицировала конвенцию, а Молдавия присоединилась к конвенции. При этом Нидерланды только подписали конвенцию, а Чехия и Словакия признали себя связанными подписанием конвенции Чехословакией до даты ее разделения в 1993 г. (Convention of 22 December 1986 on the Law applicable to Contracts for the International Sale of Goods: Status Table, available at: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=61> (Accessed 28 July 2020).

⁴² Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts (2015). The Hague, Hague Conference on Private International Law Permanent Bureau, pp. 7–8, 24, available at: <https://assets.hcch.net/docs/5da3ed47-f54d-4c43-aaef-5eafc7c1f2a1.pdf> (Accessed 28 July 2020).

⁴³ Закон РФ от 07 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1240.

о международном торговом арбитраже⁴⁴. Однако поскольку в актах, касающихся международного коммерческого арбитража, возможность сторон избрать применимое материальное право, как правило, лаконично провозглашается⁴⁵, при рассмотрении конкретного спора арбитраж будет обращаться к дополнительному инструменту, содержащему более подробные правила реализации обозначенной возможности, а именно: либо — несмотря на отсутствие такой обязанности — к коллизионному праву государства локализации⁴⁶, либо к любому иному инструменту — национальному или международному (вне зависимости от его юридической силы)⁴⁷.

В последнем случае по спорам из трансграничных агентских соглашений для международного коммерческого арбитража таким инструментом могут выступить как Гагская конвенция 1978 г. (в том числе для арбитражей, локализованных в государствах, не участвующих в конвенции, — что существенно расширит территориальную сферу ее воздействия), так и упомянутые Принципы 2015 г. (в том числе для арбитражей, локализованных в государствах, участвующих в Гагской конвенции 1978 г., — вне зависимости от юридически обязательного для государства локализации характера конвенции и рекомендательного характера принципов).

В отношении Принципов 2015 г. важно подчеркнуть, что отсутствие необходимости согласования позиций делегатов по будущему юридически обязательному документу выступило одним из факторов, позволивших Гагской конференции по международному частному праву сформулировать чрезвычайно прогрессивные и либеральные положения в анализируемой области. В частности, Принципы санкционируют депесаж (п. 2 ст. 2); последующий выбор (п. 3

⁴⁴ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже от 21 июня 1985 г. (с изменениями, внесенными 07 июля 2006 г.) // Издание Организации Объединенных Наций. R.08.V.4. С. 1–22.

⁴⁵ Например, упомянутый п. 1 ст. 28 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» ограничивается провозглашением: «Третейский суд разрешает спор в соответствии с такими нормами права, которые стороны избрали в качестве применимых к существу спора», — а также оговоркой, исключающей обратную отсылку. Идентичное, по сути, правило содержится и в § 26 (применимое право) Регламента МКАС (Регламент МКАС при ТПП РФ (утвержден Приказом ТПП РФ от 18 октября 2005 г. № 76), available at: <http://mkas.tpprf.ru/ru/materials/> (Accessed 28 July 2020), и в § 23 (нормы, применимые к существу спора) действующих в рамках МКАС Правил арбитража международных коммерческих споров (Правила арбитража международных коммерческих споров (Приложение 2 к Приказу ТПП РФ от 11 января 2017 г. № 6), available at: <http://mkas.tpprf.ru/ru/materials/> (Accessed 28 July 2020).

⁴⁶ Практика обращения к коллизионному праву государства локализации широко распространена в МКАС при ТПП РФ. Так, в одном из решений применительно к коллизионным нормам (которые МКАС считает применимыми при отсутствии избранных сторонами норм права) состав арбитража констатировал: «Согласно преобладающему в практике МКАС при ТПП РФ подходу применимыми, как правило, признаются коллизионные нормы раздела VI ГК РФ» (Решение МКАС при ТПП РФ от 02 сентября 2013 г. по делу № 225/2012 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁴⁷ На тенденцию «денационализации процесса определения применимого права» в международном коммерческом арбитраже и обращение последнего к общим принципам коллизионного регулирования, отраженным в актах международного характера, в том числе не вступивших в силу, справедливо указывает, например, А.В. Асосков (Asoskov, 2017:542).

ст. 2); выбор несвязанного права (п. 4 ст. 2); выбор вненациональных источников (если *lex fori* это не запрещает — ст. 3); прямо выраженный и подразумеваемый выбор (ст. 4) и т.д. Как следствие, уже в год принятия Принципов Комиссия ООН по праву международной торговли рекомендовала использовать данный документ, в том числе арбитражам⁴⁸.

Таким образом, необходимо заключить, что в конкретном деле международный коммерческий арбитраж, определяющий стандарт автономии воли для трансграничных агентских соглашений, может оказаться перед выбором надлежащего инструмента: специально разработанной для этой сферы отношений, но консервативной согласно конкретным историческим условиям ее принятия Гаагской конвенции 1978 г. либо весьма прогрессивных, хотя и юридически необязательных Принципов 2015 г. В силу гибкости и негосударственной природы международного коммерческого арбитража выбор в таком случае будет находиться всецело в поле усмотрения конкретного состава арбитража либо единоличного арбитра.

В этом отношении мы можем только предложить подход, в соответствии с которым для автономии воли в отношениях между принципалом и агентом целесообразно опираться на более прогрессивный и разработанный стандарт Принципов 2015 г., однако для автономии воли в отношениях принципала с третьими лицами в силу прямого предписания п. 3 (f) ст. 1 Принципов и особой специфики данных отношений следует опираться на сдержанный стандарт Гаагской конвенции 1978 г.

Наконец, нельзя не отметить, что совершенно особый потенциал применения Гаагской конвенции 1978 г. обнаруживается в том случае, когда стороны агентских соглашений международного характера избирают неприменимое материальное право какого-либо государства, а именно указанную конвенцию как источник коллизионных норм. Показательным в этом плане является решение арбитража Международной торговой палаты по спору между американским агентом и российским принципалом, которые предусмотрели, что заключенное ими агентское соглашение «должно регулироваться Гаагской конвенцией о праве, применимом к агентским соглашениям (Гаага, 1978)»⁴⁹. Арбитраж в данном деле подчеркнул, что хотя ни США, ни Россия не являются участниками Гаагской конвенции 1978 г., это не препятствует сторонам заключить соглашение о применении указанной конвенции к их договорным правоотношениям⁵⁰. Как следствие, арбитраж избрал право штата Мичиган (США) в каче-

⁴⁸ Report of the United Nations Commission on International Trade Law. A/70/17. Forty-eight session (29 June — 16 July 2015). General Assembly Official Records. Seventieth session. Supplement No. 17. Para. 240, 45–46.

⁴⁹ Final award in case no. 13756. Jean-Jacques Arnaldez, Yves Derains, Dominique Hascher. Collection of ICC Arbitral Awards 2012–2015. Recueil des sentences arbitrales de la CCI, Volume VII. Wolters Kluwer Law & Business, 2018 (далее — Final award in case no. 13756).

⁵⁰ П. 29 решения (Final award in case no. 13756).

стве применимого к отношениям агента и принципала на основании соответствующей коллизионной нормы Гаагской конвенции⁵¹ 1978 г.

Изложенное позволяет заключить, что в силу присущей сторонам договорных, в том числе агентских, правоотношений международного характера автономии воли они могут избрать применимое материальное право не только прямо, указывая на право конкретного государства, но и косвенно, предусматривая применение Гаагской конвенции 1978 г. (вне зависимости от участия в ней государств национальной принадлежности сторон) в качестве источника коллизионных норм, которые в свою очередь приведут к выбору материального права определенного государства.

Выводы

По итогам проведенного анализа следует сделать следующие выводы. Гаагская конвенция о праве, применимом к агентским соглашениям, признает автономию воли сторон двух различных типов правоотношений, для каждого из которых предусмотрен специальный стандарт: либеральный — для «классических» правоотношений агента и принципала и крайне строгий — для изолированного вопроса о полномочиях агента в правоотношениях принципала и третьего лица.

Автономия воли в отношениях между агентом и принципалом имеет ключевое значение. Степень развития данного принципа в Гаагской конвенции 1978 г. имеет промежуточный характер между положениями Гаагских конвенций в сфере международной купли-продажи товаров 1955 и 1986 гг. Она указывает на выбор «внутреннего» права, но при этом прямо санкционирует выбор права «третьей» страны (в том числе не участвующей в конвенции) и допускает выведение соглашения сторон из условий договора и обстоятельств дела. В Гаагской конвенции 1978 г. формируется система ограничительных институтов (нормы непосредственного применения, публичный порядок), которые очерчивают пределы свободы сторон избрать применимое право, что является косвенным доказательством становления такой свободы в качестве принципа международного частного права. Наконец, несмотря на то, что Гаагская конвенция 1978 г. в силу весьма ограниченного предмета регулирования намеренно уклоняется от решения ряда общих вопросов реализации автономии воли, отсутствие прямого запрета толкуется как дозволение (для последующего выбора права, депесяжа и др.).

Вопреки распространенной в отечественной юриспруденции точке зрения Гаагская конвенция 1978 г. связывает автономию волю не только с отношениями агента и принципала, но и с отношениями принципала и третьих лиц. Однако специфика таких отношений, касающихся полномочий агента, сказалась и на степени развития автономии воли. Возможность выбора применимого

⁵¹ П. 30 решения (Final award in case no. 13756).

права принадлежит принципалу и третьему лицу, при этом такой выбор может быть только прямым, выраженным в письменной форме, с одной стороны, и прямо принятым, с другой.

Потенциал практического применения Гагской конвенции 1978 г. реализуется в двух направлениях. Во-первых, будучи частью *lex fori* государств-участников, нормы анализируемой конвенции подлежат применению судами этих государств при рассмотрении споров, вытекающих из агентских соглашений международного характера. Во-вторых, в свете общей тенденции «денационализации процесса определения применимого права» (Asoskov, 2017:542) нормы анализируемой конвенции могут быть применены международным коммерческим арбитражем — вне зависимости от того, участвует ли в данной конвенции государство локализации конкретного арбитража.

Таким образом, отечественным участникам международного гражданского оборота крайне важно иметь правильное представление о содержании норм Гагской конвенции о праве, применимом к агентским соглашениям (в том числе об автономии воли), при выборе места рассмотрения споров, вытекающих из заключаемых ими агентских соглашений международного характера.

Библиографический список / References

- Asoskov, A.V. (2017) *Kollizionnoe regulirovanie dogovornyh objazatel'stv [Conflict of Laws in the Field of Contractual Obligations]*. Electronic edition. Moscow, M-Logos Publ. (in Russian).
Асосков А.В. Коллизийное регулирование договорных обязательств. М.: М-Логос, 2017. 640 с.
- Basedow, J. (2019) *Avtonomiya voli v regulirovanii mezhdunarodnykh otnoshenii. K obshchemu kursu mezhdunarodnogo chastnogo prava [party autonomy in regulation of international relations. to the basic course on private international law]*. Translated from English by Jumashov, Ju.M. (2019) Moscow, Norma: INFRA-M Publ. (in Russian).
Базедов Ю. Автономия воли в регулировании международных отношений. К Общему курсу международного частного права / Пер. с англ. Ю.М. Юмашева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 134 с.
- Hay, P., Müller-Freienfels, W. (1979) Agency in the conflict of laws and the 1978 Hague convention. *The American Journal of Comparative Law*. 27 (1), 1–49, doi:10.2307/839937.
- Kanashevskiy, V.A. (2014) Agency agreements and contracts of commission in foreign trade turnover. *Journal of Russian Law*. (3), 96–104. (in Russian).
Канашевский В.А. Агентские соглашения и договоры комиссии во внешнеторговом обороте // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 96–104.
- Makovskiy, A.L., Khlestova, I.O. (eds.) (2012) *The problems of the unification of private international law*. Moscow, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow, Jurisprudence Publ. (in Russian).
Проблемы унификации международного частного права: монография / отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012. 535 с.
- Malkin, O.Ju. (2008) *Pravovoe regulirovanie vybora prava storonami dogovora [Legal regulation of parties to the contract choice of law]*. Moscow, Publishing House of the Modern Humanitarian University Publ. (in Russian).

- Малкин О.Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора / О.Ю. Малкин; Современ. гуманитар. акад. М.: Издательство Современ. гуманитар. университета, 2008. 156 с.
- Nikolyukin, S.V. (2008) Avtonomiya voli storon i osobennosti prava, primenimogo k chastnopравovym otноsheniyam, oslozhnennym inostrannym elementom [Party autonomy and peculiarities of law applicable to the private legal relations with foreign element]. *Notarius*. (6), 33–37. (in Russian).
- Николюкин С.В. Автономия воли сторон и особенности права, применимого к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом // Нотариус. 2008. № 6. С. 33–37.
- Pfeifer, M.G. (1978) The Hague convention on the law applicable to agency. *The American Journal of Comparative Law*. 26 (3), 434–440, doi:10.2307/839811.
- Strigunova, D.P. (2014) Realization of the principle of the autonomy of will of the parties in the international commercial contracts. *Sovremennoe pravo*. (4), 153–158. (in Russian).
- Стригунова Д.П. Реализация принципа автономии воли сторон в международных коммерческих договорах // Современное право. 2014. № 4. С. 153–158.
- Strigunova, D.P. (2016) Legal nature of party autonomy in the field of legal regulation of international commercial contracts. In: Mogilevskii, S.D., Egorova M.A. (eds.). *Current Issues of Business and Corporate Law in Russia and Abroad: Collection of Scientific Articles of III International Scientific and Practical Conference*. 25 April 2016, Moscow. Moscow, Justicinform Publ. SPS ConsultantPlus. (in Russian).
- Стригунова Д.П. О правовой природе автономии воли сторон в сфере правового регулирования международных коммерческих договоров // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: сборник научных статей III Международной научно-практической конференции. Москва, 25 апреля 2016 г. / под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2016. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
- Strigunova, D.P. (2016) *Problemy primeneniya principa avtonomii voli storon v pravovom regulirovaniy mezhdunarodnyh kommercheskih dogovorov* [Problems of Application of the Party Autonomy Principle within the Legal Regulation of International Commercial Contracts]. Moscow, Ruscience Publ. (in Russian).
- Стригунова Д.П. Проблемы применения принципа автономии воли сторон в правовом регулировании международных коммерческих договоров. Монография. М.: Русайнс, 2016. 137 с.
- Strigunova, D.P. (2017) *Legal regulation of international commercial contracts: a monograph*. In 2 vols. Т. 2. Moscow, Justicinform Publ. (in Russian).
- Стригунова Д.П. Правовое регулирование международных коммерческих договоров. В 2 т. Т. 2. М.: Юстицинформ, 2017. 432 с.
- Vilkova, N.G. (2000) Agentskie dogovory [Contracts of Agency]. *Zakon*. (7), 101–107. (in Russian).
- Вилкова Н.Г. Агентские договоры // Закон. 2000. № 7. С. 101–107.
- Zanibekov, M.M. (2016) Party Autonomy and freedom of contract at the conclusion of International Commercial contract: Functioning legal mechanism or legal fiction? *Herald of the Moscow university of finances and law MFUA*. (2), 142–153. (in Russian).
- Занибеков М.М. Автономия воли сторон и свобода договора при заключении международного коммерческого договора: действующий правовой механизм или юридическая фикция? // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2016. № 2. С. 142–153.

Об авторе:

Новикова Татьяна Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия; 350002, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. им. Леваневского, д. 187/1

ORCID ID: 0000-0002-8889-0444, SPIN-код: 4488-6370

e-mail: tnovikova@inbox.ru

About the author:

Tatiana V. Novikova — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the International Law Department, The North Caucasian branch of the Russian State University of Justice; 187/1 Levanevskogo str., Krasnodar, 350002, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-8889-0444, SPIN-code: 4488-6370

e-mail: tnovikova@inbox.ru